

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
О Т Д Е Л Е Н И Е И С Т О Р И Ч Е С К И Х Н А У К

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

№ 3

М А Р Т

1959 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ТАШКЕНТЕ

Ю. А. Соколов

Более полутора столетий назад, летом 1796 г., в Ташкент прибыло первое русское посольство во главе с подпоручиком Дмитрием Телятниковым. До этого дипломатические отношения между Русским государством и Ташкентским владением, находившимся в разное время в зависимости от Бухары, Коканда или государственных объединений, существовавших в казахской степи, не были установлены. Лишь в 1561 г. ташкентский представитель Шейбанидов принял участие в посольстве, направленном в Москву из Бухарского государства, а в 1574 г. ташкентский Шейбанид Мухаммед Дервиш посылал своего посланника в Москву от собственного имени. Русские посольства бывали только в Хиве и Бухаре, являвшихся тогда главными городами узбекских ханств. Так, в XVI—XVII вв. из Хивы и Бухары в Москву было направлено свыше 60 посольств, а ответных русских посольств в эти среднеазиатские центры послано в XVI—XVII вв.—10, а в XVIII в.—7. В Ташкент за указанное время ни одно русское посольство не прибывало¹. Посольство же Дмитрия Телятникова имело целью посетить непосредственно этот город².

Данный исторический факт представляет большой интерес. Посольство 1796 г. положило начало дипломатическим отношениям Ташкентского феодального владения с Российской империей. Характер этих отношений свидетельствовал о зарождении новых тенденций в развитии связей между народами Средней Азии и России.

Исторические сведения о посольстве Дмитрия Телятникова до сих пор оставались вне поля зрения историков. Между тем документы Центрального государственного архива внешних сношений и внешней политики России (фонд «Ташкентские дела»), касающиеся этого посольства, показывают, что конец XVIII — начало XIX в. ознакомились активизацией хозяйственных, культурных и политических связей Ташкентского владения с Россией. Сведения, сообщаемые другими источниками, в частности автором «Новой истории Ташкента»³ Мухаммедом Салихом Кори Ташкенди, подтверждают, что владельцы Ташкента и примыкавших к нему районов в конце XVIII столетия стремились к упрочению отношений с Русским государством, а часть ташкентского населения видела в лице России страну, сближение с которой могло бы способствовать экономическому подъему и сохранению независимости Ташкентского владения. Задача

¹ «Труды» Историко-археографического института и Института востоковедения АН СССР. Материалы по истории народов СССР. Вып. 3, ч. 1. Л. 1932, стр. 328, 329; О. В. Маслова. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию; «Материалы к библиографии». Вып. V. Ташкент. 1955; вып. VII. Ташкент. 1956, ч. 1, стр. 5, 18, 26, 33, 53, 59, 60; ч. 2, стр. 32.

² До Дмитрия Телятникова в Ташкенте побывал только поручик К. Миллер, начальник первого вооруженного торгового каравана, отправленного в Ташкент из Оренбурга в 1738 году. Инициатором посылки такого каравана был начальник «Оренбургской экспедиции» В. Н. Татищев. Караван был разграблен, и только несколько человек из его состава добрались до Ташкента. См. П. И. Рычков. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. СПб. 1759, стр. 331 и сл.

³ Мухаммед Салих Кори Ташкенди. Новая история Ташкента. Рукопись Института востоковедения АН Узбекской ССР, инвентарный № 7791.

данного сообщения состоит в том, чтобы осветить значение посольства Дмитрия Телятникова в Ташкент и ответной поездки ташкентских посланников Муллы Джана Ахуна и Ашура Али Бахадура в Петербург.

Ташкент — древнейший город Узбекистана. Он издавна был важнейшим пунктом торговых связей между основными экономическими областями Средней Азии — земледельческой и скотоводческой. Именно это обстоятельство наложило своеобразный отпечаток на всю историю города. Основную массу его жителей составляли торгово-ремесленные элементы. Однако политическая обстановка не всегда благоприятствовала развитию торговли и ремесла в городе и прилегающих к нему районах.

Долина реки Парак (Чирчик), в центре которой расположен Ташкент, с древнейших времен служила воротами для завоевателей, рвавших в среднеазиатское междуречье. Эту долину рассматривали в качестве своего форпоста в степи и среднеазиатские феодальные правители. Поэтому Ташкент переходил из рук в руки и часто находился под угрозой полного разрушения.

Ремесленное и торговое население города выполняло роль посредника в обмене товаров между южным оазисом и северными кочевыми районами. В этих хозяйственных связях одинаково были заинтересованы жители кочевых и земледельческих областей. Таким образом, торгово-ремесленная часть населения города на протяжении всей истории периода феодализма являлась той социальной средой, которая определяла хозяйственное значение Ташкента и его место среди других центров Средней Азии.

Несмотря на важную роль торгово-ремесленных групп, обстановка, в которой проходило их развитие в Ташкенте, почти ничем не отличалась от условий, характерных для других среднеазиатских районов. Эта часть населения не имела политических прав, находилась в полной зависимости от господствовавших в городе феодальных кланов или завоевателей и постоянно испытывала всю тяжесть административного произвола. Переход города из рук в руки, сопровождавшийся грабежами, наносил удар и по верхушке торгово-ремесленного населения. Тяжело отражалась на положении горожан, и прежде всего социальных низов, разорительная налоговая политика феодальных владетелей Ташкента. Составляя основную массу городского населения (в середине XIX в. — до 60%) ⁴, ташкентские торговцы и ремесленники неоднократно пытались улучшить свое положение и активно выступали против феодалов.

Во второй половине XVIII в. для Ташкента сложились более или менее благоприятные внешнеполитические условия. Бухарское ханство Аштарханидов было разгромлено персидским правителем Надир-шахом (1740 г.), после чего Бухара надолго утратила возможность для наступательных действий на севере. Хивинское ханство также было уничтожено Надир-шахом и длительное время раздиралось изнутри жесточайшей феодальной борьбой и межплеменной враждой. В Ферганской долине между правителями отдельных городов шла междоусобная война, в которой участвовали и соседние кочевые племена. В казахской степи, освободившейся от власти калмыков, продолжались межплеменные распри.

В этой политической обстановке Ташкент временно оказался избавленным от военных нападений со стороны соседей. В городе установилось самостоятельное управление, в котором богатые ремесленники и купцы

⁴ Удельный вес торгово-ремесленной группы в составе населения Ташкента определен ориентировочно на основании сведений, опубликованных Статистическим комитетом Сыр-Дарьинской области («Материалы для статистики Туркестанского края» за 1876 год и другие годы), данных описания недвижимого имущества городского населения Ташкента (Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР (ЦГИА УзССР), ф. 37, оп. 1, кн. 11, дела 1877—1918 годов) и материалов по исторической топографии города.

получили известное влияние. В Ташкенте в середине XVIII в. управление городскими землями и торговыми делами сосредоточилось в руках торгово-ремесленной верхушки, а ташкентский феодальный владетель, хан, пользовался лишь полицейской и военной властью⁵. Несколько позже политическое управление перешло в руки четырех хакимов; каждый из них владел одной из частей (даха) города. Между ними шла постоянная борьба за власть над всем городом, в которую вовлекались и жители, что тяжело отражалось на их положении.

Как пишет Мухаммед Салих Кори Ташкенди⁶, в 1784 г. «с помощью горожан», иными словами, торгово-ремесленных групп, правителем города стал Юнус Ходжа, вероятно, выходец из среды казахских феодалов. При нем были созданы наемные военные отряды, появилась монета собственной чеканки и началась упорная борьба за расширение границ и установление связей Ташкентского владения с другими государствами.

Прибытие в Ташкент русского посланника Дмитрия Телятникова относится ко времени правления Юнуса Ходжи. Документы фонда «Ташкентские дела» показывают, что эта поездка была ответом на просьбу ташкентского правителя, который стремился оживить и расширить торговые отношения между Ташкентом и Россией. Письмо об этом было направлено в 1794 г. в адрес сибирской администрации. Получив сообщение начальника Сибирской линии генерал-лейтенанта Штрэндмана об «уведомлении» Юнуса Ходжи, царское правительство проявило к этому предложению большой интерес. Оно поручило Штрэндману послать в Ташкент ответное письмо и направить туда посольство для переговоров. Одновременно было предложено возложить на посылаемых людей поручение о проверке справедливости «доходимых известий и для испытания имеющегося в той земле в золотой руде изобилия»⁷.

В соответствии с полученными инструкциями из Омска было снаряжено в Ташкент в ноябре 1794 г. посольство в составе сержанта Алексея Севастьяновича Безносикова и обершхтмейстера Тимофея Степановича Бурнашева. Сибирский генерал-губернатор, очевидно, для сокращения расходов казны и большей эффективности заграничной поездки А. С. Безносикова и Т. С. Бурнашева направил их не прямо по караванной ташкентской дороге, а через Оренбург, обязав посольство заехать по пути в Бухару к эмиру Шах Мураду, в Ходжент — к правителю города Худоярбеку, а на обратном пути из Ташкента — к казахскому Букей-султану. Каждому из этих феодальных правителей были направлены письма и подарки, а в Ташкент посланники везли не только дары, но и ответное послание.

Однако намеченный для посольства маршрут оказался неудачным. Хотя этот путь и позволял отправить посланников без военного эскорта, который, конечно, был бы необходим при поездке по прямой ташкентской дороге через казахскую степь, но он не учитывал сложившейся к тому времени в Средней Азии политической обстановки, которая, по-видимому, не была известна сибирской администрации. Послов задержали в Бухаре, подарки и письма были у них отобраны (кроме письма к Юнусу Ходже, скрытого посланцами), и разрешения продолжать поездку они не получили. По словам Бурнашева, этот отказ мотивировался тем, что «адресаты хотя и показывают некоторый вид подданства бухарскому хану, но по многим причинам имеют на него неудовольствие и питают злобу»⁸.

⁵ Н. Г. Маллицкий. Ташкент (исторический очерк). «Известия» Ташкентской городской думы. Ташкент. 1915, стр. 83.

⁶ Мухаммед Салих Кори Ташкенди. Указ. рукопись, л. 705.

⁷ Центральный государственный архив Министерства иностранных дел СССР (ЦГА МИД СССР), ф. Ташкентские дела (ФТД), д. 3, л. 2.

⁸ Т. С. Бурнашев. Путешествие от сибирской линии до города Бухары в 1794 году и обратно в 1795 году. «Сибирский вестник», издаваемый Г. Сласским. Ч. I. СПб. 1818, стр. 265.

Русских отправили обратно, лишив их всякой возможности информировать о себе ташкентского правителя. В апреле 1795 г. послы возвратились в Омск.

Извещая правительство о неудаче посольства, генерал-лейтенант Штрэндман одновременно сообщал: «Предпринимаемы уже были мною меры к отправлению их (послов.— Ю. С.) другим способнейшим путем»⁹, то есть через казахскую степь по караванной дороге непосредственно в Ташкентское владение. В состав нового посольства были назначены упоминавшийся уже сержант А. С. Безносиков, атаман казачьего войска подпоручик Дмитрий Телятников и при них — переводчик из сибирских казаков капрал Я. Быков.

Подготовка и снаряжение посольства затянулись до лета 1796 г., так как понадобилось много времени, чтобы найти надежного проводника и организовать охрану каравана. С этой целью сибирская администрация обратилась к султану Каракисецкой волости Средней орды Букей-султану с просьбой выделить охрану и проводника.

Сибирской администрации было известно, что к последнему с подобными просьбами обращались и ташкентские купцы, причем купеческие караваны, взятые под охрану Букей-султаном, всегда достигали назначенного пункта на Сибирской линии. В результате переговоров и посылки соответствующих подарков Букей-султан выделил в качестве проводника одного из своих сыновей, Ишим-султана, который в сопровождении еще двух казахов благополучно переправил русское посольство в Ташкент.

1796 год по праву может считаться одной из самых знаменательных дат в истории Ташкента XVIII века. В этом году сюда впервые прибыло русское посольство, но самое главное — с данного времени начался поворот в политической ориентации Ташкентского владения в сторону России, с покровительством которой торгово-ремесленные круги города связывали свои надежды на лучшее будущее. Такой вывод подтверждается имеющимися документами и особенно ярко характеризуется материалами, освещающими реальные последствия поездки Д. Телятникова к ташкентскому владельцу Юнусу Ходже.

К сожалению, в материалах фонда «Ташкентские дела» отсутствуют дневники и составленные Телятниковым маршрутные карты. По этой причине пока невозможно установить ни маршрутов многочисленных поездок посланников по Ташкентскому владению, ни точных дат пребывания посольства в городе. Однако сохранившиеся документы из этого фонда дают общее представление о положении в Ташкентском владении и о деятельности русских послов.

Посольство пробыло в Ташкенте около года (оно выехало из Омска в июле 1796 и возвратилось обратно в августе 1797 г.). Посланники, встреченные очень гостеприимно, получили возможность свободно путешествовать по владениям Юнуса Ходжи, ознакомиться с состоянием хозяйства области и детально разобраться в вопросе развития и упорядочения торговли между Россией и Ташкентом. Сохранился весьма ценный документ — «Объявление» Д. Телятникова, содержащее описание Ташкентского владения, составленное им по возвращении в Омск. Ввиду того, что этот документ до сих пор не был известен историкам, приводим его содержание полностью:

«Казацкаго Атамана Подпорутчика Телятникова Объявление.

1е. Город Ташкент стоит в долине при горах Алатау, искоей протекает речка Чирчик, которая посредством канала пущенною водою утучняет пашни, и довольствует жителей того города, строение во оном глинянное, кроме мечетей и публичных училищ медресами имянуемых, обывательских домов считается до семи тысяч.

⁹ ЦГА МИД СССР, ФТД, д. 1, л. 1а.

2е. К означенному Ташкенту принадлежат города Чимкент, Сарам, местечки: Ниясбек, Алтын тюбя, Карабулак, Саранан, Темир и до десяти деревень, и из всех оных самое дальнейшее отстоит от того города по примеру за три или за четыре дни езды полагая на каждой день по пятидесяти верст.

3е. Жителей в самом Ташкенте считается до десяти, да в подначальных городах и местечках до трех, всего до тринадцати тысяч человек.

4е. Ханского войска в Ташкенте и во всей области находится до двух тысяч человек, которых по большей части из беглых разных нации людей, яко то: калмыков, узбеков, кукашцов, ходжанцов, и бухарцов; и с природных же ташкинцов весьма мало. Войско сие вооружение имеет троякое, некоторое число вооружено турками по их обыкновению без замков с фитилями, другиим имеют луки с стрелами, а инныя одни копья и сабли, и состоят на ханском содержании.

5е. Ташкентской хан имеет также весьма легкую артиллерию, чугуновых и железных пушечек до дватцати, коими действуют против случающегося неприятеля с верблюдов.

6е. Порох делается самими Ташкенцами и селитренной земли весьма изобильно, а притом и богатаго содержания, свинец же получается из Туркестанта, которой хотя выплавливают и в самом Ташкенте но весьма мало.

7е. Ташкент от внутренняго несогласия и междоусобной брани пред сим претерпел много бедствий, и управляем был четырьмя владельцами до времени нынешняго владельца как то: Юнус Хожи, проименованнаго уже напоследок именем: что значит ханом: которой чстыре власти пред ним бывшия истребив, приобрел означенное Ханское достоинство и находится уже во оном двенатцать лет и достоинство сие у них ненаследственное. Со вступления в управление Ташкининою помянутой Хан покорил сильных две Киргис кайсатския Юсупскую и Чанчъ калинскую волости наложив на оныя дань, с каждой юрты по одному барану, обязав сии волости в военное время давать потребное число и вспомогательнаго войска.

8е. Владелец сей со всеми соседями имет вражду, кроме Хаджанскаго, с коим очень миролюбив. Дальнейших же успехов оружия ханскаго почти ни в чем не видно, запаснаго провианта имеет по числу своего войска довольное количество.

9е. Ташкиния изобилует шелком, хлопчатую бумагою, пшеном сорочинским; изобильно также родится пшеница, ячмень, проса, гречуха, полба, а и с фруктов виноград, урюк, грецкие орехи; а и с плодов яблоки, груши, дыни и арбузы.

10е. С нашей стороны область сия имет нужду в железе, меди, юфтовых кожах, яко весьма необходимых вещах; покупают также сукна...» (далее документ обрывается.— Ю. С.)¹⁰.

Несмотря на то, что сохранившийся экземпляр «Объявления» не полон, он имеет значение одного из наиболее ценных ранних русских документов по истории Ташкента конца XVIII века. Положительной стороной этого свидетельства является его несомненная достоверность. Автор «Объявления» жил в Ташкенте длительный срок и поэтому мог проверить правильность сообщаемых ранее сведений, а также записать и свои наблюдения. В этом отношении Дмитрий Телятников был в значительно лучших условиях, чем русские путешественники, побывавшие в Ташкенте позднее (например, Ф. Пазаров в 1813 г., Потанин — в 1830, Милютин и Батырышкин — в 1849—1852 гг. и др.), но не получившие возможности детально ознакомиться с жизнью города. Только Пospelов и Бурнашев, приезжавшие в Ташкент в 1800 г., могли, как и Д. Телятников, подробно изучить положение в Ташкентском владении. Их записи, опубликованные

¹⁰ Там же, лл. 8, 8а.

А. Н. Краевским¹¹, содержат обширный материал о состоянии города и области, но они ни в чем не опровергают данных «Объявления», лишь дополняя последние, касаясь тех сторон быта и общественной жизни, о которых в сохранившейся части «Объявления» не говорится. В отдельных вопросах записка Д. Телятникова имеет даже более важное значение, чем описание Бурнашева и Пospelова. Заслуживает внимания, например, сообщение «Объявления» о том, что Юнус Ходжа «приобрел означенное Ханское достоинство и находится уже во оном двенадцать лет». Это впервые дает возможность датировать время возникновения единого Ташкентского владения 1784 годом, поскольку точных сведений по данному вопросу другие источники не приводят.

Большой интерес вызывает также рассказ о захвате власти в городе Юнусом Ходжой, добившимся, по словам Д. Телятникова, победы над четырьмя хакимами. Это известие, не подтверждаемое Бурнашевым и Пospelовым, писавшими, что Юнус Ходжа победил трех хакимов, а сам являлся четвертым, полностью соответствует описанию указанного события Мухаммедом Салихом Кори. Последний отмечал, что Юнус Ходжа пришел к власти с «помощью народа»¹², поборов четырех хакимов. Кроме того, в «Объявлении» приводятся ценные и неизвестные раньше факты о составе войск Ташкентского владения.

«Объявление» во многом перекликается с данными, приводимыми местным историком Мухаммедом Салихом Кори, что заставляет относиться к сообщениям Д. Телятникова с полным доверием. К сожалению, сохранившаяся часть «Объявления» не исчерпывает всей суммы сведений о Ташкенте и Ташкентской области, собранных русским посланником. Некоторые данные по интересующему нас вопросу содержатся в официальных документах сибирской администрации, другие же материалы, в том числе и включенные в дневник, а также маршрутная карта посольства, по-видимому, безвозвратно утрачены. Не сохранилось и следов устного доклада Д. Телятникова, сделанного им правительственным органам в Петербурге в 1797 году.

Из уцелевших источников видно, что посланники детально обследовали естественные ресурсы края; об этом свидетельствует рапорт, направленный царю Штрэндманом, в котором отмечалось, что «предъявленного изобилия в золотой и серебряной руде не найдено, а только что видели в некоторых местах рудокопные признаки содержащая другой металл, как-то: медь, свинец и железо»¹³. Посланников интересовал также вопрос развития торговых связей России с Ташкентом. Переговоры по этому поводу, как и по всем остальным вопросам, проходили в обстановке полного взаимного доверия и привели к положительному результату. Это обстоятельство, крайне важное для оценки значимости посольства, нашло ясное выражение, в частности, в отзыве, данном государственным канцлером России (очевидно, на основе сообщений Д. Телятникова) Юнусу Ходже. Канцлер характеризует последнего как правителя, «ничего не скрывшаго от офицера, который... к нему послан»¹⁴.

Торговые переговоры убедили посольство в большой перспективности и обоюдной выгоде товарообмена для обеих сторон, что подчеркивал в своем рапорте от 9 сентября 1796 г. Штрэндман. Опираясь на сведения посольства и используя опыт ташкентских купцов, он указывал на выгоду широких торговых связей с Ташкентом через города Сибирской линии, так как «тракт со здешней линии... и особенно с Иртышской до Ташкенту гораздо ближе, нежели с Оренбургской линии», и менее опасен для

¹¹ «Поездка Пospelова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году». «Вестник Императорского русского географического общества» (ИРГО) на 1851 год. Ч. I, кн. I-я. География историческая, VI. 1851, стр. 1—44.

¹² Мухаммед Салих Кори Ташкентди. Указ. рукопись, л. 705.

¹³ ЦГА МИД СССР, ФТД, д. 3, л. 2а.

¹⁴ Там же, л. 11.

русских купеческих караванов, если отправлять их в сопровождении соответствующего военного отряда, содержание которого возлагать на самих купцов. «Торг же тот,— говорилось далее в рапорте,— заведенной пространно в ташкентских пределах может в пред идущее время бесспорно привлечь к таковому ж сношению не только народ соседственных к Ташкинии областей как-то, Коканской, Ходжанской, и бухарейской, но и других владений даже из Тибета, сверх же того получаемы там быть могут и китайския товары»¹⁵. Этот документ свидетельствует не только о стремлении сибирской администрации привлечь внимание правительства к Сибирской линии. В нем в какой-то мере отразилась также заинтересованность ташкентских торгово-ремесленных кругов в караванной торговле с Сибирью. Последние надеялись таким путем восстановить былое значение Ташкента как центра международной торговли в Средней Азии.

Во время переговоров по инициативе Юнуса Ходжи, кроме чисто торговых вопросов, были затронуты и политические. Ташкентский правитель просил царское правительство оказать ему помощь в налаживании местного металлургического производства, а также военную защиту в случае угрозы со стороны Китая. До этого ни одно из среднеазиатских государств с подобного рода просьбами к России не обращалось. Имеющиеся архивные материалы не позволяют судить о конкретном содержании этой части переговоров. Несомненно лишь то, что русские посланники, чтобы не превысить данных им полномочий, не давали никаких обещаний и не делали заявлений по вопросам, не предусмотренным инструкциями, предоставив рассмотрение выдвинутых Юнусом Ходжой предложений русским властям.

В связи с этим совместно с отбывавшими обратно в Омск членами русского посольства из Ташкента отправились Мулла Джан Ахун Махзум и Ашур Али Бахадур мингбаши, которым Юнус Ходжа предоставил широкие полномочия: «Посланные же мои Мулла Джан Махзум ближайший и первейший советник, и Ашур Али Багадур мингбаши, Вашему Императорскому Величеству что от имени моего предлагать ни будут прошу в том им верить»¹⁶. Учитывая внутреннюю обстановку, сложившуюся в Ташкенте, и положение самого Юнуса Ходжи, можно предполагать, что ташкентские послы не были личными представителями одного лишь феодального правителя. На наш взгляд, такими послами в то время могли стать только люди, тесно связанные с городскими торгово-ремесленными кругами.

Послы Ташкента выехали вместе с миссией Д. Телятникова в июне 1797 г. и прибыли в Омск в августе. Начальник Сибирской линии позаботился о том, чтобы обеспечить их дальнейший путь, и назначил сопровождающими посольство в Петербург Дмитрия Телятникова (начальник поезда), унтер-офицера Безносикова и переводчика капрала Быкова. Д. Телятникову были выданы средства на содержание всего посольского поезда¹⁷, а также предписывалось обеспечить «поверенным» во время следования в Петербург полное спокойствие и поручалось доставить в столицу рапорты сибирской администрации о результатах первого русского посольства в Ташкент. Выехав из Омска 22 сентября, ташкентские посланники и сопровождавшие их в качестве свиты двое родственников и слуга прибыли в Петербург в конце октября или начале ноября 1797 г., то есть именно в тот период, когда Павел I пересматривал направление внешней политики России. Необходимость внимательно ознакомиться в Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел с материалами посольства Д. Телятникова, без чего практически нельзя было вести переговоры с посланниками Юнуса Ходжи, привела к тому, что официальный

¹⁵ Там же, л. 3.

¹⁶ Там же, д. 2, л. 1а.

¹⁷ Там же, д. 3, л. 4.

прием посольства при русском дворе сильно задержался; посланники получили аудиенцию лишь 13 декабря. До этого послы передали в Азиатский департамент грамоту Юнуса Ходжи, а 29 ноября 1797 г. (1211 г. хиджры) подали туда же свое заявление, существенно дополнявшее грамоту. 7 декабря они вручили присланные царю подарки от ташкентского правителя и дар от имени главы посольства Муллы Джана Ахуна Махзума¹⁸.

В обоих указанных выше дипломатических документах были поставлены очень важные по своему значению вопросы¹⁹. В них, в частности, выдвигалась просьба об оказании Ташкентскому владению помощи со стороны России в разработке природных богатств края путем посылки двух инженеров-металлургов (грамота Юнуса Ходжи), о предоставлении ташкентским купцам права свободной торговли в городах Сибирской пограничной линии, а русским купцам права свободного выезда для торговли в Ташкентском владении (заявление посланников) и о военной защите Россией Ташкента и прилегающих к нему районов от возможного нападения на него со стороны Китая. «Как область наша граничит с Китайскою империею,— говорилось в записке посланников,— то ежели учинено будет от нее на нас какое нападение, или сделана будет нам обида и последует за тем между ими и нами несогласие, то он же, владелец наш покорнейше просит его величество государя императора в таком случае принять его в свое покровительство не оставить сильным своим защищением, и о том ныне же его уверить высочайшею его величества грамотою, что его владельца нашего Хаджи Мугамед Юнуса в высокое свое покровительство и защищение приемлет»²⁰.

Записка посланников и грамота Юнуса Ходжи являются важнейшими политическими документами, рисующими историческую обстановку в Ташкенте конца XVIII в. и указывавшими на огромный рост авторитета России в Средней Азии.

Россия к этому времени имела уже длительные связи со среднеазиатскими государствами²¹. К русскому правительству неоднократно обращались разные среднеазиатские владетели с просьбой о предоставлении льгот их купцам в России, и оно принимало меры к удовлетворению таких ходатайств. Естественно, что, получив принципиально новые по характеру и постановке вопросов ташкентские послания, царское правительство проявило к ним огромный интерес. Ташкентские документы детально изучались не только в Азиатском департаменте, но ими занимался и государственный канцлер А. А. Безбородко.

Особое внимание обращала на себя просьба о военной помощи Ташкенту в случае столкновения его с Китаем, так как она требовала принятия далеко идущих обязательств, могущих оказаться в противоречии с интересами страны, с которой Россия находилась издавна в дружбе и какое-либо обострение отношений с которой не соответствовало политике царского правительства. Вместе с тем, удовлетворяя такую просьбу, русское правительство формально признало бы Ташкентское владение суверенным государством, с которым оно заключало официальный договор, что также могло поставить Россию перед необходимостью активных дей-

¹⁸ Там же, л. 7, л. 3; в дар присланы: 45 кусков кутни (ткань) и 10 пар куниц (шкурки); от Муллы Джана Ахуна особо: 3 барсовые шкуры и одно черное (страусовое?) перо для императрицы.

¹⁹ Тексты этих документов опубликованы. См. Ю. А. Соколов. Новые данные о связях России с Средней Азией в XVIII веке. «Труды» Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина. Серия история. Вып. 140, кн. 28. Ташкент, 1958.

²⁰ ЦГА МИД СССР, ФТД, д. 6, лл. 2, 2а.

²¹ Более подробные данные по этому вопросу и библиография приводятся в статье: Ю. А. Соколов. К вопросу об исторических предпосылках присоединения Средней Азии к России. «Труды» Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина. Серия история. Вып. 142, кн. 30. Ташкент, 1958.

ствий в Средней Азии. Между тем царское правительство не было уверено в прочности установившегося в Ташкенте государственного порядка, а официальные документы этого феодального владения не содержали никаких обязательств, которые оно принимало бы на себя, и в частности ничего не говорили даже о гарантиях собственности и личной безопасности русских купцов в пределах Ташкентского владения. Поэтому решение выдвинутых ташкентским посольством вопросов не форсировалось царским правительством, которое в данном случае проявляло большую осторожность.

Недели через три после аудиенции, во время которой Павел I ограничился лишь поздравлением послов с благополучным приездом, состоялась их встреча с государственным канцлером (9 января 1798 г.). Архивные документы сохранили некоторые данные об официальных результатах этого приема. А. А. Безбородко долго беседовал с послами «о купечестве и обоюдном соотношении... о торговле, о здоровье Юнуса Ходжи» и в заключение заверил их в «добром и дружественном расположении империи Российской к оной земле их»²².

Русское правительство, полностью поддерживая намечавшееся установление тесных хозяйственных, культурных и политических связей с Ташкентским владением и принимая практические меры к выполнению высказанных Юнусом Ходжой пожеланий, пришло к выводу о необходимости в дальнейшем продолжить переговоры на более широкой основе. Одновременно оно воздержалось от официального дипломатического соглашения с Ташкентским владением по затронутым вопросам. Юнусу Ходже были посланы с возвращавшимся посольством подарки от русского двора²³. 28 февраля 1798 г. посланникам была дана Павлом I краткая прощальная аудиенция²⁴.

Отъезд, назначенный на 11 марта, из-за болезни Муллы Джана Ахуна Махзума задержался до 16 марта²⁵. Обратный путь посольства был обставлен удобствами, какие только возможны были в то время. Выданная Коллегией иностранных дел проезжая предписывала: «По указу... императора Павла... в городах и на заставах по тракту до Омска пропуская их без всякого задержания давать им не токмо пристойные квартиры и по подорожной подводы, но и сверх того оказывать им всякое в дороге вспоможение»²⁶. В ордере на имя сопровождавшего посольский поезд поручика Д. Телятникова говорилось: «Во все время следования вашего с вышеозначенными чиновниками, обращаться ласково, и никакого предосуждения ни им, ни людям их не чинить, и других к тому не допускать, да и самих и оных чиновников и людей их удерживать от того, чтоб и с их стороны никому предосуждения или обиды делано не было»²⁷.

Ташкентские посланники благополучно прибыли в Омск 22 июня 1798 года. Получив здесь еще одно письмо для Юнуса Ходжи — от вновь назначенного начальника Сибирской линии генерал-майора Горчакова, они вскоре выехали в Ташкент. До русской границы их сопровождал чиновник из Омска. От русской границы до Ташкента предполагалось отпустить посольский поезд без сопровождения. Однако, учитывая обстановку в казахской степи, начальник Сибирской линии на это не решился. «На границе, — сообщал он канцлеру, — предписал я здать их на руки вытребованным мною верноподданным Российской империи киргизцам, кои уже их препроводят до Ташкента, без чего им во своясы благополучно доехать невозможно»²⁸.

²² ЦГА МИД СССР, ФТД, д. 3, лл. 7, 8, 8а.

²³ Там же, лл. 18, 18а.

²⁴ Там же, лл. 8, 8а.

²⁵ Там же, л. 24.

²⁶ Там же, л. 19.

²⁷ Там же, лл. 20а, 21.

²⁸ Там же, л. 27а.

Посольство привезло Юнусу Ходже три документа: грамоту Павла I, письма А. А. Безбородко и генерал-майора Горчакова. Наибольший интерес представляют письма канцлера и начальника Сибирской линии. Однако значение официального документа имела только грамота Павла I, направленная с соблюдением всех существовавших тогда правил отсылки важнейших государственных актов.

Грамота была написана на русском и на «татарском» языках, «запечатана государственной меньшою печатью на красном воску»²⁹. Она не давала никаких официальных ответов на вопросы, поставленные ташкентским посольством. Точка зрения русского правительства по ним излагалась лишь в личных письмах к Юнусу Ходже от канцлера и начальника Сибирской линии. Но эти документы, хотя и были направлены по «повелению» царя, не имели силы государственного акта. Таким образом, русское правительство временно воздержалось от прямого ответа ташкентскому правителю, и царская дипломатия, обеспечив правительству России широкие возможности осуществления практических мероприятий по всем затрагивавшимся вопросам, не связала себя никакими формальными обязательствами. Проявляя такого рода предусмотрительность, русская дипломатия получила время для детального рассмотрения сложившейся обстановки и разработки соответствующих соглашений с соблюдением принципа обоюдности обязательств.

Письмо канцлера извещало Юнуса Ходжу о том, что, предоставляя «от ныне впредь подданным купцам вашим, в знак своего к вам высокостепенный владетель благоволения, всякую по границе империи его безопасность, свободу и другие свойственные тому удобства и выгоды», империя намерена дать разрешение и «своему подданному пограничному купечеству... ездить с товарами во владение ваше», но лишь с того времени, как «обнадежено будет оно от вас, такую же безопасностью, свободою и другими удобствами и выгодами, какие ...со стороны своей даровать соизволяет вашему ташкентскому купечеству»³⁰, о чем и рекомендовалось дать письменное официальное уведомление русскому правительству через начальника Сибирской линии. В письме сообщалось также о согласии направить в Ташкент горных инженеров — минералогов для обследования открытых в Ташкенте пяти рудных месторождений, а также о том, что в случае необходимости Россия окажет действительную защиту Ташкентскому владению.

В обоих письмах ясно указывалось, что Китай и Россия находятся в дружественных и добрососедских отношениях, и поэтому русское правительство, зная «миролюбивые китайского правительства расположения», не допускает мысли о возможности неспровоцированного нападения Китая на Ташкентское владение. Поэтому правительство России рекомендует Юнусу Ходже соблюдать в своих действиях должное «благоразумие» и не давать поводов к обострению отношений с Китаем. Но если, говорилось в письме канцлера, «против всякого чаяния», такое нападение все же произойдет, «чего однако ж предполагать никак не можно», то Россия войдет в посредничество и примет надлежащие меры, так как, «соображая состояние владения вашего с силами Китайского правительства», император «весьма наклонен к мысли, что ваше высокостепенство по самой необходимости принуждены испрашивать высокого его покровительства и защиту, а потому... снисходя и на сие ваше прошение, соизволяет принять вас и благонамеренных подданных ваших под высокое свое покровительство, надеясь, что вы пребудете со всем потомством своим Империи Российской навсегда верны и усердны»³¹.

Одновременно с этим заявлением царское правительство через на-

²⁹ Там же, л. 2, л. 5.

³⁰ Там же, лл. 11, 11а.

³¹ Там же, лл. 12, 12а.

чальника Сибирской линии разъяснило Юнусу Ходже, что до тех пор, пока не возникнет действительная нужда в выступлении России в защиту Ташкента, о чем его правитель должен особо известить Петербург, русское правительство считает нецелесообразным оформлять свое заявление официальным государственным актом, так как «формальное соглашение тогда же (то есть в случае необходимости практического действия.—Ю. С.) с ним владельцем лучше и удобнее поставлено может быть, нежели ныне, когда ни какой надобности в том не стоит»³².

Приведенные документы показывают, что царское правительство в конце XVIII в., продолжая твердо придерживаться традиционной политики укрепления и расширения связей со странами Средней Азии, проявляло все увеличивавшуюся заинтересованность в упрочении этих отношений. Высказанное в полуофициальной форме обещание помощи Ташкентскому владению при одновременном отказе от официального соглашения не было дипломатической формой отклонения просьбы о военной защите. Это обещание не являлось простой декларацией. Русское правительство, по-видимому, твердо решило предпринять меры для осуществления соответствующих предварительных мероприятий. Об этом свидетельствует письмо канцлера начальнику Сибирской линии, направленное 9 марта 1798 года. В нем наряду с другими указаниями сибирской администрации по поводу последующих переговоров с Юнусом Ходжей канцлер обязал генерал-майора Горчакова при отправлении одного или двух сведущих лиц для осмотра открытых в Ташкентском владении рудных месторождений возложить на них также обязанность обследовать указанный район на случай «просимого тамошним владельцем от здешней стороны защищения»³³.

Конкретизируя указанную задачу, канцлер изложил программу наблюдений. Члены русской инженерно-технической миссии обязывались, во-первых, тщательно изучить путь следования и установить «способность (его.—Ю. С.) физическим своим положением доставлять проезжающим и проходящим потребное в дороге продовольствие и пристанище и какое в одно время количество могло б туда итти» и, во-вторых, выяснить «состояние той земли, положение ее и вместность людей какую могла б она к себе принять и продовольствовать»³⁴. Обращает на себя внимание отсутствие в этой программе указаний об изучении военных объектов страны, чем она значительно отличается от подавляющего большинства подобного рода документов³⁵. Такая направленность программы объясняется специфичностью обстоятельств, вызвавших необходимость сбора сведений, и полной уверенностью царского правительства в том, что русский военный отряд в Ташкентском владении будет встречен лояльно как населением, так и властями.

Итоги переговоров рассматривались в Ташкенте весьма благоприятно. Об этом свидетельствует исключительное внимание и почет, с которыми были встречены прибывшие в город вслед за возвратившимися послами русские горные инженеры М. Пospelов и Т. Бурнашев.

В своем отчете о поездке они писали, в частности, о торжественном церемониале встречи их ташкентскими властями. По прибытии в пределы Ташкентского владения (28 июня 1800 г.) М. Пospelов и Т. Бурнашев ненадолго остановились вблизи Ташкента в ожидании разрешения на въезд в город. «В день принятия в этот город», говорится в описании, им была оказана пышная встреча, «которой другим не устраивали». «Два чи-

³² Там же, д. 3, лл. 14, 14а.

³³ Там же, л. 11.

³⁴ Там же, лл. 11, 11а.

³⁵ Для сравнения можно указать хотя бы на программу наблюдений Мир Иззет Уллы, обследовавшего Кокандское и Бухарское ханства в 1812–1813 гг. по заданию английских властей в Индии. См. об этом Ю. А. Соколов. Путешествие Мир Иззет Уллы. «Труды» Среднеазиатского государственного университета имени В. И. Ленина. Новая серия. Вып. 78, кн. 11. Ташкент, 1956, стр. 42.

новника приехали из одного и просили именем владельца о въезде. Между тем поставлены были люди до самого города и через оный по обеим сторонам со всем их вооружением и знаменами. Чиновники вели за поводья лошадей и, по приезде к дому владельца, сняли (помогли слезть с лошадей.— Ю. С.) и провождали в его пребывание, где множество стоящих чиновников окружали... По сделании приветствия, даны места, устланные коврами и сделано угощение тамошними плодами. После того препроводили в назначенный для пребывания дом»³⁶. Пospelов и Бурнашев оказались первыми европейцами, которым в Средней Азии были оказаны такие почести.

Этот беспрецедентный случай очень показателен. Значение его можно оценить, только учитывая сложившуюся в то время обстановку. Поездка в Ташкент в 1800 г. Пospelова и Бурнашева была первым практическим результатом только что завершившихся переговоров с Россией, окончившихся для Ташкентского владения весьма благоприятно. Приезд представителей русской инженерно-технической интеллигенции был важным событием в жизни Ташкента. Это было начало нового периода, особенностью которого стало установление более тесных взаимоотношений Ташкентского владения с Россией. Торжественный церемониал встречи Пospelова и Бурнашева местными жителями был выражением дружественного отношения к России, как к государству, в котором они видели могущественного покровителя и связи с которым открывали широкую возможность для дальнейшего развития хозяйственной и общественно-политической жизни Ташкентского владения.

Подводя итоги, следует отметить, что документы фонда «Ташкентские дела» раскрывают нам одну из интереснейших страниц истории Средней Азии и дают новый важный материал для изучения процесса развития взаимоотношений русского и узбекского народов.

Известно, что государства Средней Азии поддерживали торговые связи с Россией, так как местное производство не могло полностью удовлетворить потребности феодалов. Ташкентский правитель впервые в конце XVIII в. попытался использовать связи с Русским государством также для развития хозяйства, обратившись в 1794 г. к России с просьбой не только о предоставлении льгот своим купцам, но и о содействии в налаживании местной металлургии. Подобные факты свидетельствуют о том, что определенные группы ташкентского населения шли на сближение с Россией для получения от нее инженерно-технической помощи. Этот политический курс диктовался интересами не только феодальной верхушки, но и торгово-ремесленного населения, нуждавшегося в такого рода поддержке. Жители Ташкента, по данным Д. Телятникова, составляли 77% всего населения Ташкентского владения, и игнорировать их желания Юнус Ходжа, конечно, не мог.

Посольство Дмитрия Телятникова способствовало превращению выявившейся к тому времени в Ташкенте тенденции к сближению с Россией во внешнеполитический курс Ташкентского владения. Этим и определяется историческое значение первого русского посольства в Ташкент в 1796 году.

³⁶ «Поездка Пospelова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году», стр. 12.